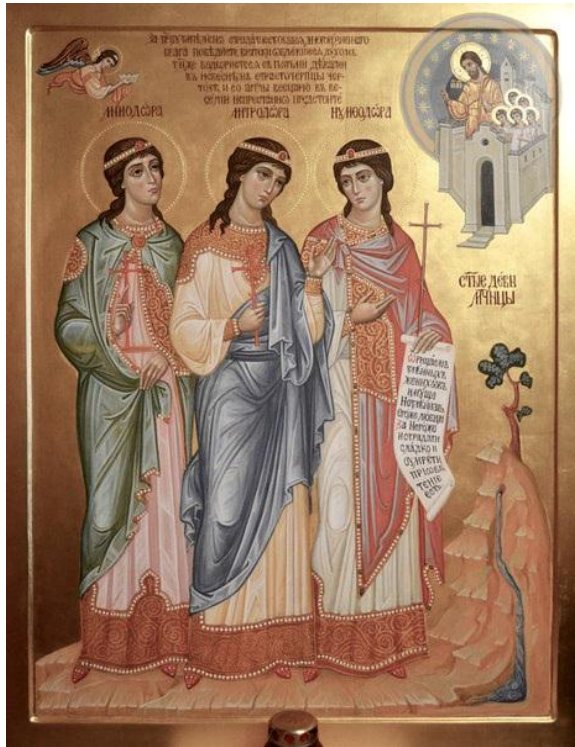

Память 23 сентября (ст. стиль 10 сентября)

Житие и страдание святых мучениц Минодора, Митродоры и Нимфодоры

Три девы - Минодора, Митродора и Нимфодора - принесли себя в дар Пресвятой Троице. Иные приносят дары Богу от своего имения, - подобно тому как некогда три восточных царя принесли Ему золото, ладан и смирну¹ (см. Мф.2:11); девы же святые принесли Богу дары от внутренних своих сокровищ. Они принесли Ему вместо золота свои души, искупленные не тленным золотом, а честною кровию непорочного Агнца² (см. 1Пет.1:19); вместо ладана принесли чистую совесть, говоря вместе с Апостолом: **"Ибо мы Христово благоухание"**³ (2Кор.2:15); вместо смирны принесли в дар Господу самое тело, отдавши его еще в непорочном девстве на раны за Христа. Святые девы твердо были убеждены в том, что Господь требует не временного богатства нашего, но нас самих, как некогда сказал Давид: **"Ты - Господь мой; блага мои Тебе не нужны"** (Пс.15:2). Поэтому они и принесли в жертву Богу самих себя, как это ясно

видно из святой их жизни и мужественных страданий.

Святые девы родились в Вифинии⁴. Сестры по плоти, они остались сестрами и по духу: ибо единомысленно предпочли лучше служить Богу, нежели быть рабынями мира и всей его суеты. Желая же вместе с душою и тело сохранить не оскверненным и в совершенной чистоте соединиться с чистым Женихом своим, Христом Господом, святые девы последовали Его призыву: **"И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас"** (2Кор.6:17). Всего более возлюбив девическую чистоту и зная, как трудно сохранить эту чистоту среди народа, склонного к любодеянию и непрестанному греху, святые девы оставили людское общество и, отстранив себя от всего мира, поселились в уединенном месте. Подобно тому как воды речные, впадающие в море, лишь только сольются с морскими водами, тотчас теряют свою сладость и становятся солеными, - и чистота душевная, пребывая среди мира, не может не заразиться его сластолюбием. Так дочь Иакова, Дина, сохраняла свою девическую чистоту, пока не отдала себя в языческий город Сихем; но как только познакомилась с жившими в том городе дочерьми и вступила с ними в общение, тотчас погубила свое девство⁵. Мир сей с своими тремя дочерьми - похотью плоти, похотью очей и гордостью житейскою⁶ (см. 1Иоан.2:16) - тот же Сихем и ни о чем другом не заботится, как только причинять вред тем, кто питает к нему любовь, как смола чернит прикасающихся к ней, так и мир делает почитателей своих скверными и нечистыми. Блажен посему тот, кто избегает мира, чтобы не запятнать себя его нечистотою; блаженны и сии три девы, бежавшие от мира и от злых его дочерей. Не очернили святых дев мирские скверны, и они остались чистыми, как белые голубки, летая на крыльях добродетели и Боговидения по горам и пустыням и желая найти приют, как в гнезде, в любви Божественной. Так у пустынников, живущих вне суетного мира, бывает одно только непрестанное стремление к Богу.

Для своего местопребывания святые девы избрали один высокий и пустынный холм, находившийся в двух поприщах⁷ от теплых источников в Пифиях⁸. Поселившись здесь, они обрели тихое пристанище и надежный покой и проводили свою жизнь в посте и непрестанных молитвах. Святые девы скрыли свою девическую чистоту от взоров людских в пустыне и вознесли чистоту сию на высокий холм, чтобы ее видели ангелы; они взойшли на самую вершину горы, чтобы, отряхнувши прах земной, удобнее приблизиться к небу. О том, как добродетельна была их жизнь, можно судить по самому месту их пребывания. Ибо что означает пустыня, как не отвержение всего и уединение? о чем свидетельствует высокий холм, как не о Богомыслии? что знаменуют теплые воды, при коих поселились святые девы, как не сердечную их теплоту к Богу? Как израильтяне, избавившись от рабства египетского, должны были пройти пустыню⁹; так святые девы, вышедши из мира, возлюбили пустынную жизнь. Как Моисей, взойдя на гору, узрел Бога (см. Исх. 34:4, 6); так и они, обитая на высоком холме и возводя очи свои к Господу, ясно созерцали Его своим умственным взором. Как в пустыне из камня, от удара в него жезлом, истекали воды (Числ. 20:2-11); так от смиряющих ударов в грудь лились из очей святых дев потоки слез. И эти горячие слезы такую имели силу, какой не было какой не было у источников теплых вод: воды могли омыть только телесную нечистоту, а слезы очищали душевные пороки и делали душу белее снега. Но что было и очищать слезами у тех, которые, очистив себя от всякой скверны, и телесной и душевной (1 Кор. 7:1), жили на земле, как ангелы? Если в чьем-либо сердце и могут зародиться слезы от воспоминания о множестве грехов, то в этих чистых девах плач происходил только от любви к Богу. Ибо где любовь к Богу горит пламенным огнем, там не могут не быть потоки слез. Такова сила этого огня, что когда он возгорится, как в печи, в чьем-либо сердце, то насколько будет разрастаться пламя, настолько увеличится и роса: ибо сколь велика любовь, столь велико и умиление. Слезы рождаются от любви: потому и о Христе, когда Он прослезился над Лазарем умершим, говорили: **"смотри, как он любил его"** (Ин. 11:36). Святые девы плакали, совершая свои молитвы и размышляя о Боге: ибо они любили своего Господа и желали насытиться Его лицезрением; со слезами они ожидали того времени, когда увидят возлюбленного Жениха Небесного. Каждая из них повторяла слова Давида: **"Когда прииду и явлюсь пред лице Божие; были слезы Мои Мне хлебом день и ночь"** (Пс. 41:3-4)¹⁰. И день и ночь мы плачем о том, говорили святые девы, что так долго не настает то время, когда мы явимся пред лицом Сладчайшего Жениха нашего Иисуса Христа, насытиться видением Которого мы также сильно желаем, как олень жаждет источников воды (Пс. 41:1).

Но **"не может укрыться город, стоящий на верху горы"** (Мф. 5:14)¹¹; так и святые девы, хотя своею особенною жизнью совершенно отстранили себя от мира, были явлены людям Самим Богом. Чудесные исцеления больных, совершавшиеся по молитвам святых дев, как громогласные трубы, пронесли о них весть по всей стране. Тогда царствовал злочестивый Максимиан, а страной Вифинийской управлял князь Фронтон. Услышав о святых девах, князь повелел схватить их и привести к нему. Христовы агницы, которым и звери пустынные не причинили никакого вреда, были взяты людьми зверообразными и зверонравными и приведены к мучителю. Как три ангела, стали три девицы на суде нечестивцев. Им должно было бы предстоять Самому в Троице славимому Богу, а не грешным людям, не достойным даже взирать на лица святых дев, сиявшие ангельской красотой и благодатью Святого Духа. Сам мучитель удивлялся, как такая красота, какой он никогда не видел и в царских дворцах, могла сохраниться в пустыне. Ибо, хотя тело святых дев было совершенно изнурено от поста и многих подвигов, но лица их не только не утратили своей девственной красоты, но еще более просияли ею. Где сердце было полно духовной радостью и весельем, там не могла увянуть красота лица: веселое сердце, говорится в Св. Писании, делает лицо веселое (Притч. 15:13). Есть и в воздержании нечто такое, что, вместо изнурения, придает лицам человеческим красоту; так некогда Даниил и с ним три отрока, хотя жили в посте и в воздержании, но красотой своей выделялись из всех отроков царских (Дан. 1:5-16). То же было и со святыми девами, и красота этих цветов

пустыни, дочерей Божиих, превосходившая всякую красоту дочерей мирских, была непостижима для ума человеческого.

Князь прежде всего спросил святых дев, как их зовут и откуда они родом.

Они отвечали, что по имени Христа они называются христианками, а при святом крещении даны им имена - Минодора, Митродора и Нимфодора, что они родные сестры и родились в этой же стране Вифинийской.

Князь продолжал речь свою и, надеясь ласками привести святых дев к своему злочестию, сказал им:

- Прекрасные девы! Великие боги наши возлюбили вас и почтили такою красотою; они готовы еще почтить вас и большим богатством, только вы воздайте им честь и вместе с нами поклонитесь им и принесите им жертву; я же воздам вам хвалу перед царем. И когда увидит вас царь, возлюбит вас и почтит многими дарами, выдаст вас замуж за великих сановников, и вы, больше чем другие жены, будете наслаждаться честью, славой и богатством.

Тогда старшая сестра, Минодора, сказала:

- Бог сотворил нас по Своему образу и подобию; Ему мы поклоняемся, а о иных богах мы не хотим и слышать; дары же ваши и почести так же нужны нам, как нужен кому-либо сор, ногами попираемый. Ты обещаешь нам от твоего царя благородных мужей, но кто же может быть лучше Господа нашего Иисуса Христа, Которому мы с верой уневестили себя? С Ним мы вступили в чистое супружество, к Нему прилепились душой, с Ним соединились в любви; Он - наша честь, слава, Богатство, и никто, не только ты и твой царь, весь мир этот не в силах разлучить нас.

Митродора, вторая сестра, сказала:

- **"Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?"** (Мф. 16:26). Что такое для нас мир этот против возлюбленного Жениха и Господа нашего? То же, что грязь против золота, тьма против солнца, желчь против меда. Ужели же мы ради суетного мира изменим Господу в любви и погубим свои души? Никогда!

- Много вы говорите, - сказал мучитель, - потому что не видели мучений, не приняли ран; иначе вы будете говорить, когда узнаете их.

- Ужели ты думаешь, - смело отвечала младшая сестра, Нимфодора, - устроить нас мучениями и жестокими ранами? Собери сюда со всей вселенной орудия мучений, мечи, колья, когти железные, призови со всего света всех мучителей, соедини вместе всевозможные мучения и предай им наше слабое тело; увидишь ты, что скорее сокрушатся все те орудия, у всех мучителей устанут руки и все виды мучений твоих истощатся, нежели мы отвергнемся от Христа нашего: горькие муки за Него для нас будут сладким раем, а смерть временная - вечной жизнью.

Но князь продолжал их убеждать.

- Советую я вам, - говорил он, - как отец: послушайте меня, дети, и принесите жертву нашим богам. Вы - родные сестры: не захотите же вы видеть друг друга в стыде, бесчестии и муках, не захотите видеть вашу красоту увядающей. Не правду ли говорю я? Разве не на пользу вам мои слова? Поистине даю я вам отеческий совет, потому что не желаю видеть вас обнаженными, битыми, терзаемыми и раздробляемыми на части. Исполните же мою волю, чтобы не только у меня, но и у царя могли вы приобрести благоволение и, получив все блага, прожить всю жизнь в благополучии. Если же вы не послушаете меня теперь, то тотчас же будете преданы горьким мучениям и тяжким болезням, и красота ваша погибнет.

- Судья! - сказала Минодора, - нам неприятны твои ласкательства, и угрозы твои нам не страшны: мы знаем, что наслаждаться вместе с вами богатством, славой и всеми временными удовольствиями - это то же, что готовить себе вечную горесть в аду, терпеть же за Христа временные мучения - значит заслужить вечную радость на небесах. То благополучие, какое ты нам обещаешь, непостоянно; мучения, какими ты грозишь нам, временные; мучения же, уготованные нашим Владыкой тем, кто ненавидит Его, вечны, и множество милости, хранимой Им для любящих Его, бесконечно. Мы не желаем ваших

скоропреходящих благ и временных мучений ваших не боимся; страшимся же мук адских и стремимся к благам небесным, потому что они вечны. Но самое главное - так как мы любим Христа, Жениха нашего, то единодушно желаем за Него умереть, и умереть вместе, чтобы видно было, что мы сестры еще более по духу, нежели по телу. Как одна утроба произвела нас в мир, так пусть и одна смерть изведет нас из мира этого, пусть один чертог Спасов примет нас и там пребудем во веки.

После этих слов она возвела очи свои на небо и сказала:

- Иисусе Христе, Боже наш! Мы не отвергаемся от Тебя перед людьми, не отвергнись и Ты от нас пред Отцом Твоим Небесным.

И снова, обратясь к мучителю, стала говорить:

- Мучай же нас, судья! Уязвляй ранами то тело, которое кажется тебе прекрасным; для тела нашего не может быть лучшего украшения - ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, чем раны за Христа нашего, каковые мы давно желаем принять.

- Ты - старшая по возрасту и по разуму, - сказал ей князь, - и должна бы других учить повиноваться велениям царским и нашим; а ты и сама не слушаешь и их развращаешь. Умоляю тебя: послушай же меня, исполни, что я тебе повелеваю, поклонись богам, чтобы и сестры твои, следуя твоему примеру, сделали то же.

- Напрасно ты трудишься, князь, - отвечала святая, - напрасно стараешься отлучить нас от Христа и склонить нас к поклонению идолам, которых вы называете богами. Ни я, ни сестры мои, не сделаем сего: ибо у нас одна душа, одна мысль, одно сердце, любящее Христа. Поэтому советую тебе не тратить более слов, а испытать нас самым делом: бей нас, секи, жги, раздробляй на части; тогда увидишь, послушаем ли мы твоего безбожного повеления. Христовы - мы, и умереть за Христа готовы.

Выслушав такую речь, князь Фронтон пришел в ярость и весь свой гнев излил на Минодору. Удалив двух младших сестер, он приказал раздеть Минодору донага и бить ее. Четыре палача стали бить святую, а глашатай в это время восклицал: "воздай честь богам и хвалу царю и не оскорбляй наших законов.

Два часа били святую Минодору. Наконец, мучитель сказал ей:

- Принеси же богам жертву.

- Ничего другого я и не делаю, - отвечала мученица, - как только приношу жертву. Разве ты не видишь, что я всю себя принесла в жертву Богу моему?

Тогда мучитель приказал слугам бить святую Минодору еще сильнее. И били ее по всему телу немилосердно, сокрушая суставы, ломая кости и раздробляя тело. Но святая дева, объятая пламенной любовью и стремлением к бессмертному своему Жениху, доблестно терпела муки, как бы не чувствуя боли.

Наконец, она воскликнула из глубины сердца:

- Господи Иисусе Христе, веселье мое и любовь моего сердца, к Тебе прибегаю; надежда моя, молю Тебя: прими с миром душу мою.

С этою молитвой святая испустила дух и отошла к своему возлюбленному Жениху, вместо драгоценных украшений вся покрытая ранами.

Спустя четыре дня мучитель призвал на суд Митродору и Нимфодору и приказал принести и положить у ног их мертвое тело старшей их сестры. Честное тело святой Минодоры лежало нагое, без всякого покрова; оно с ног до головы было покрыто ранами, все суставы были сокрушены. Такое зрелище у всех вызвало глубокое сострадание. Мучитель как бы хотел сказать юным девам: "видите, что стало с вашей сестрой, то же будет и с вами"; он надеялся, что, при виде тела своей сестры, с такой жестокостью замученной, девы устроятся и исполнят его волю. Все предстоящие, смотря на истерзанное мертвое тело, не могли заглушить в себе естественной жалости и не скрывали слез своих: один только мучитель был тверд, как камень, и только еще более ожесточался. Хотя сама природа и любовь к своей сестре побуждали и святых дев, Митродору и Нимфодору, к слезам, но еще большая любовь к Христу удерживала их от плача. У них была твердая надежда, что их сестра уже наслаждается весельем в чертоге своего Жениха

и ждет, что и они, украшенные такими же ранами, поспешат предстать перед лицом всевожде́нного Господа. Посему, взирая на лежащее пред ними святое тело, они говорили:

- Благословенна ты, сестра и мать наша: ты удостоилась мученического венца и вошла в чертог Жениха твоего. Помолись же преблагому Господу, Коего ты ныне видишь, чтобы Он теперь же повелел и нам прийти к Нему твоим путем, удостоил нас поклониться Ему, Великому Богу, насладиться любовью Его и вечным с Ним весельем. А вы, мучители, для чего медлите и не убиваете нас? Зачем лишаете участи нашей возлюбленной сестры? Почему тотчас не подносите нам смертную чашу, коей мы жаждем, как сладчайшего питья? Вот, кости наши готовы на раздробление, ребра готовы на жжение, тело наше - на растерзание, глава - на отсечение, сердце - на мужественное терпение. Начинайте же свое дело, не ждите от нас более ничего: мы не преклоним колен пред ложными богами. Вы видите, как мы усердно желаем смерти. Чего же вы еще хотите? Умереть вместе с сестрой нашей за Христа Господа, Жениха нашего прелюбезного - вот наше единственное желание.

Судья видел, как они бесстрашны, и верил, что их желание смерти за Христа непреклонно, однако все еще старался ласками привести их к единомыслию с ним и с лукавством продолжал уговаривать их.

Но сестры отвечали:

- Когда же ты перестанешь, окаянный мучитель, противиться нашему твердому решению? ты знаешь, что мы от одного корня ветви, что мы родные сестры: будь же уверен, что мы и мысль одну имеем. Ты мог уразуметь это от той же замученной тобою сестры нашей. Если она, не имея пред глазами своими ни одного примера мужества в страдании, проявила такое непобедимое терпение; то что же должны сделать мы, при виде нашей сестры, подавшей нам собою пример? Разве ты не видишь, как она, хотя и лежит с сомкнутыми устами, своими открытыми ранами поучает нас и увещевает к страдальческому подвигу? Нет, мы не разлучимся с нею, не разорвем родственного нашего союза, но умрем за Христа так же, как и она умерла. Отрекаемся от богатств, вами обещанных; отрекаемся от славы и от всего, что из земли и в землю снова возвратится; отрекаемся от смертных женихов, так как имеем Нетленного: Его только Одного мы любим, и Ему, вместо приданого, приносим нашу смерть, чтобы сподобиться бессмертия в вечном, чистом и святом Его чертоге.

Потеряв тогда всякую надежду, мучитель пришел в страшную ярость и, удалив младшую сестру, велел повесить Митродору и опалать ее тело свечами. Так мучили Митродору в продолжение двух часов. Претерпевая мучение, святая возводила свои очи к Единому возлюбленному Жениху своему, за Которого она страдала, прося у Него помощи. Ее сняли с дерева опаленную, как уголь, но мучитель велел сильно бить ее железными жезлами, сокрушая все ее члены. В таких мучениях святая Митродора, призывая Господа, предала в Его руки чистую свою душу.

Когда она скончалась, привели и третью агницу Христову, Нимфодору, чтобы она увидела мертвые тела своих двух сестер и, устранившись их жестокой смерти, отеклась от Христа.

Князь стал с лукавством говорить ей:

- Прекрасная дева! Твоей красоте я изумляюсь больше, чем красоте других, и сожалею о твоей молодости. Клянусь богами, что я полюбил тебя, как родную дочь. Поклонись только богам, и тотчас же заслужишь у царя великое благоволение: он наградит тебя именем и осыплет почестями. Если же не сделаешь этого, так же погибнешь, как и твои сестры, которых тела перед тобой.

Слова эти, как ветер, пронесли мимо ушей святой девы: она не только не внимала им, но с пренебрежением отзывалась об идолах и идолопоклонниках и, как Давид, говорила: **"Идолы - серебро и золото, дело рук человеческих: подобны им да будут двигающие их и все, надеющиеся на них"** (Пс. 113:12, 16)¹².

Беззаконник, видя, что словами он не добьется успеха, велел повесить ее нагую и строгать ее тело железными когтями. Она же в таких муках не проявила ни малейшего нетерпения, не испустила ни крика, ни стона, и только, возведя свои очи на небо, безмолвно двигала своими устами, что было знакомее усердной молитвы. И когда глашатай восклицал: "принеси жертву богам, и будешь освобождена от мучений", святая говорила:

- Я принесла себя в жертву Богу моему; страдание за Него мне сладость, а смерть - приобретение.

Наконец, мучитель велел бить ее железными жезлами до смерти, и святая Нимфодора была убита за исповедание Иисуса Христа.

Так троица дев прославила своей страдальческой кончиной Пресвятую Троицу.

Мучитель, однако, не удовольствовался страданиями девиц, но и на мертвых даже излил свою неукротимую ярость. Он повелел развести большой костер и свергнуть в него тела святых мучениц. Как только это было исполнено, вдруг с великим громом ниспал с неба огонь и мгновенно попалил князя Фронтон и всех его слуг, мучивших святых дев. На разведенный же костер пролился великий дождь и угасил огонь. Взяв тела святых, неповрежденные пламенем, верующие с честью предали их погребению, положив их близ теплых вод в одном гробе. Так тех, кого родила одна утроба, принял один гроб, чтобы неразлучные при жизни были бы вместе и по смерти. Сестры на земле, они остались сестрами и на небе, сестры - во гробе, сестры - и в чертоге Жениха своего. Над их телами соорудили во имя их храм¹³, и исцеления от их мощей истекали, как реки, в славу Пресвятой Троицы и в память святых трех дев, по молитвам которых и мы да сподобимся узреть Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога. Слава Ему во веки. Аминь.

Кондак, глас 4:

За Троицу терпеливно страдальчествовавшая, многокозненного врага победила, братски облекшееся Духом: темже водвористесь с пятью девами¹⁴ в небесном стратотерпцы чертозе, и со ангелы Всецарю в веселии непрестанно предстоите.

¹ Волхвы были родом из Персии и принадлежали к почетному сословию мудрых и ученых людей. По преданию, они были народными вождями и потому здесь названы царями.

² Состояние людей до обращения их ко Христу Апостол сравнивает с состоянием рабства. От рабства можно было освободиться выкупом; от рабства же греху и суетной жизни искупила нас кровь непорочного Христа, называемого в Св. Писании Агнцем.

³ Познание об Иисусе Христе, распространяемое в мире проповедью о Нем, Ап. Павел сравнивает с благоуханием мира. Как в Ветхом Завете сосуды священные и служители скинии, помазываемые миром, распространяли вокруг себя благоухание, так в Новом Завете апостолы, будучи как бы сосудами благовоннейшего мира - познания Христа, были исполнены благоухания и, проповедуя о Христе, распространяли это благоухание повсюду.

⁴ Вифиния была в то время северо-западной провинцией Малой Азии; она лежит по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива.

⁵ О Дине упоминается в книге Бытия: 30:21; 34:1; 48:15. Во время пребывания Иакова в стране Сихемской, Дина из любопытства пошла посмотреть на тамошних девиц. В это время сын Сихемского князя, плененный ее красотой, самовольно похитив ее, увел к себе и обесчестил.

⁶ Апостол увещевал христиан не любить мира и не прилепляться к нему. В мире действуют три страсти - похоть плоти, похоть очей и похоть ума или гордость житейская.

⁷ Два поприща - около 3 км.

⁸ Так называлась местность близ города Никомидии. Впоследствии здесь имп. Юстиниан (527-565) построил дворец, больницу и храм во имя архангела Михаила.

⁹ История странствования евреев по пустыне аравийской изложена в книге Числ. 11:21.

¹⁰ Т.е. слезы мои сделались для меня как бы всегдашней пищею. См. Пс.41:3-4.

¹¹ Слова Спасителя, сказанные Им Апостолам (Мф.5:14). Это значит, что душа, украшенная добродетелями, приблизившаяся к Богу, не может укрыться от внимательных очей.

¹² Идолы - дело рук человеческих, и сами идолопоклонники делаются подобными идолам, - лишенными ума, бесчувственными, как и их идолы.

¹³ В честь святых мучениц есть служба, канон составлен преподобным Иосифом песнописцем (ум. 883 г.).

¹⁴ Здесь, очевидно, разумеются те пять мудрых дев, о которых говорится в притче Спасителя (Мф.25:1-13).

Житие святой царицы Пульхерии

Греческий император Аркадий¹, умирая, оставил после себя восьмилетнего сына Феодосия и трех дочерей - Пульхерию, Аркадию и Марину. Пульхерия, бывшая по годам старше брата, отличалась разумом и скромностью. То был великий дар Божественного Промысла греческому царству - в помощь юному Феодосию и в защиту православия от нападений еретиков². Мудрая не по годам, она принята была братом в соцарствование и получила титул Августы³. Ей было 16 лет, когда, достигши власти, она начала управлять греческой империей не с разумением жены, а с мудростью мужа, вызывая удивление всего тогдашнего мира: так дано было ей от Бога за чистоту ее жизни. Ибо по любви своей к Богу, а также заботясь о мире и спокойствии своих подданных, она отказалась от замужества, чтобы не было каких-либо раздоров

между ее мужем и братом, и, обручив себя Богу, до смерти пребывала в девстве: а в знак поручения своего девства Богу устроила в соборной⁴ церкви св. престол из золота и драгоценных камней, дивной работы и многоценный. Сестер своих она также убеждала хранить девство, и они дали Богу обет хранить девическую чистоту до самой кончины своей и жили вместе с ней в посте и молитвах, повинувшись ей не только как старшей сестре, но и как матери и царице.

Пульхерия была вместо матери и брату своему, императору Феодосию, и всячески заботилась о нем, научая его страху Божьему. Хорошо зная греческий и латинский языки, она сама была его учительницей и учила его не только книгам, но и благонравию; она давала ему наставления в том, каков он должен быть в беседе, как должен вообще держать себя, как наказывать и миловать виновных, словом - учила его всему тому, что необходимо для доброго правителя. И доброе семя пало не на худую землю, ибо он во всем слушался ее; и полученное им доброе воспитание привело к тому, что, достигши зрелого возраста, он более других царей был добр, кроток, терпелив, незлобив, мудр, рассудителен и милосерд; но, кроме воспитания, и молитвы святой Пульхерии помогали ему в жизни. Она устроила благолепный храм во имя Пречистой Богородицы во Влахернах⁵ и многие другие церкви и монастыри, и раздавала обильную милостыню нищим. Ее заботами греческое царство пребывало, кроме внутренних еретических волнений, в мире и тишине.

Когда Феодосию пошел двадцатый год и настало время ему вступить в супружество, блаженная Пульхерия озабочена была приисканием ему достойной жены. В это время из Афин⁶ прибыла в Царьград одна девица, по имени Афинаида, языческой веры, прекрасная собой, скромная и разумная, дочь славного философа⁷ Афинского Леонтия, наученная отцом астрономии, геометрии и всякой еллинской⁸ мудрости и превосходившая разумом многих мудрецов. В Царьград явилась она по следующему поводу. Отец, умирая, разделил все свое достояние между двумя сыновьями своими Валерием и Аэцием, а ей не оставил ничего, кроме нескольких золотых монет; когда же родственники и соседи спрашивали его, что он оставляет своей дочери, Леонтий отвечал: "Довольно с нее ее красоты и мудрости".

По смерти отца два брата разделили между собою все отцовское имущество, а сестре не дали ничего: с жалобой на братьев она и явилась в Константинополь. Увидев ее, святая Пульхерия обратила внимание на ее красоту, благонравие и ум и решила женить на ней брата. Но сначала она привела ее к вере Христовой и приблизила ее к себе, как родную дочь, и только тогда уже как достойную брака с царем выдала за Феодосия. В св. крещении ей

было дано имя Евдокии. От брака ее с Феодосием родилась дочь Евдокия, бывшая впоследствии замужем за Римским императором Валентинианом III⁹.

В царствование императоров Феодосия и Валентиниана¹⁰ стараниями блаженной Пульхерии был собран III Вселенский Собор в Ефесе против нечестивого Нестория¹¹. Пульхерия имела великую ревность по благочестию и своими увещаниями обратила брата, который начал было увлекаться ересью и отдаляться от истинного учения, и утвердила его в православии, за что и почтена была многими похвалами от святых отцов. Но прошло несколько лет, и враг рода человеческого, не желая более терпеть ударов, наносимых ереси святой Пульхерией, вооружился против нее и замыслил удалить ее от царского престола и от власти, что и удалось ему на некоторое время, так как Бог попускает иногда, чтобы святые угодники подвергались искушениям. Искушение святой Пульхерии началось следующим образом. У императора Феодосия был один евнух¹² по имени Хрисафий, любимец и советник императора, человек лукавый, злобный и сребролюбивый. Он враждебно относился к патриарху Флавиану¹³, преемнику святого Прокла. Флавиан был вполне достоин патриаршества за свое благочестие и безукоризненную жизнь, а Хрисафий был еретик¹⁴ и потому не сочувствовал оставлению Флавиана в патриархи. Желая возвести на Флавиана какое-нибудь обвинение, Хрисафий потребовал от него, чтобы он поднес императору какой-либо дар "на благословение", как новопоставленный святитель. Флавиан, приказав изготовить несколько хлебов из чистой муки, отправил их во дворец; но Хрисафий не принял их, говоря, что "на благословение" патриарх должен прислать не хлебы, а золото. Патриарх через посланных ответил: "Хрисафий хорошо знает, что церковное золото и серебро - Божие, и никому не может быть отдано, кроме разве нищих".

Этим он еще более вооружил против себя Хрисафия, который стал изыскивать способ погубить патриарха, но, видя, что блаженная Пульхерия по благочестию своему сильно держит сторону патриарха, которому поэтому трудно было причинить какое-либо зло, он стал строить новые козни и против нее: он начал сеять раздор между ней и царицею Евдокией, всякими способами стараясь нарушить их взаимную любовь.

Между тем произошло следующее событие. У императора Феодосия был обычай подписывать бумаги, не читая, что в них написано. Пульхерия, по своей всегдашней заботе о нем, пожелала исправить его и от этого недостатка: заготовивши грамоту от лица императора, в которой говорилось, что император, по просьбе Пульхерии, отдает ей в рабство свою жену и объявляет, что с этого времени он уже не имеет над Евдокией никакой власти, - поднесла эту грамоту Феодосию для подписи. Тот, по своему обычаю не прочитав грамоты и не зная, что в ней написано, приложил к ней свою руку. Пульхерия, взявши грамоту, пригласила к себе во дворец императрицу Евдокию и приятной беседой и почтительным обхождением задерживала ее у себя долгое время, а когда император прислал за супругою, не пустила ее; вторичному посланному Пульхерия с улыбкой отвечала:

- Пусть император знает, что он уже не имеет власти над своей супругой, ибо он отдал мне ее в рабство и подтвердил это своим императорским указом.

После того она сама отправилась к брату и сказала ему:

- Смотри, как дурно поступаешь ты, когда подписываешь бумаги, не читая их, - и показала ему тот указ.

Такой своей находчивостью она заставила императора быть с того времени осмотрительнее - рассматривать и читать бумаги, которые ему приходилось подписывать.

Узнав об этом, лукавый Хрисафий явился к императрице Евдокии и сказал ей:

- Смотри, что делает с тобой Пульхерия, как она унижает тебя: хочет иметь тебя своей рабой; долго ли ты будешь терпеть от нее? Разве ты не такая же царица, как и она? Разве ты не ближе всех к царю, будучи с ним единым телом?

Таковыми и подобными им речами он вызвал в Евдокии гнев на Пульхерию, и она стала настраивать мужа, чтобы тот, отняв у сестры власть, царствовал один. Научаемый женой и Хрисафием, царь, хотя и готов был сделать по их желанию, но стыдился подвергнуть

бесчестию свою сестру и учительницу, старшую его годами. Поэтому Евдокия и Хрисафий стали просить патриарха, чтобы он убедил Пульхерию, когда она явится в храм, принять на себя звание диакониссы, ввиду ее чистой и святой жизни. В то время был обычай: девиц и вдов, известных чистотой жизни, понуждать, хотя бы и против их желания, к служению в диакониссах; именно через это враги святой Пульхерии надеялись удалить ее от власти¹⁵. Патриарх тайно известил ее об их происках. Но Пульхерия, поняв умысел брата и видя вражду к себе со стороны Евдокии и Хрисафия, сама оставила царскую власть, ушла со служившими ей девицами из дворца в уединенную местность и там в молчании проводила благочестивую жизнь.

Между тем еретик Хрисафий, выждав удобное время для осуществления своих злобных замыслов, восстановил царя против патриарха. И вот, для церкви Божией наступило время смут, ибо в отсутствие Пульхерии, защитницы благочестия, еретики стали действовать без всякой боязни, пока Бог не открыл духовные очи царя, так что он, наконец, сознал свое заблуждение, убедился в несправедливости гнева своей супруги на святую Пульхерию и понял злобу Хрисафия.

Однажды императору Феодосию принесли яблоко, чрезвычайно красивое и необыкновенно большое. Подивившись его красоте и величине, он отослал его своей супруге, а та, подержав его у себя, не съела сама, а послала сенатору Павлину, любимцу царя, бывшему в то время больным. Павлин, ничего не зная, послал яблоко царю. Получив яблоко, царь узнал его, отправился к царице и спросил ее:

- Где яблоко, которое я прислал тебе? Она, не зная, что то яблоко опять попало в руки мужа, отвечала:

- Я его съела.

Тогда царь, показав ей яблоко, спросил:

- А это что?

Он страшно разгневался на жену и всячески поносил ее, думая, что она прелюбодействует с Павлином. Последнего император отправил в ссылку в Каппадокию³⁸, а жене запретил показываться на глаза. Но вместе с тем он пришел в сильный гнев и на Хрисафия, так как узнал, что он был причиной многих зол. Сначала царь отнял у Хрисафия имение, а потом осудил в ссылку. Сам Бог наказал Хрисафия за безвинное оскорбление святой Пульхерии. Плывая в ссылку на корабле, Хрисафий утонул в море, а неповинный ни в чем Павлин, находясь в ссылке, был по повелению императора усечен мечом. Впоследствии сама Евдокия, умирая, с клятвой засвидетельствовала невинность Павлина и свою собственную. Однако Бог попустил приключиться с ними такому несчастью - Павлину во спасение души, а царице в наказание. Царица, услышав о смерти Павлина, чрезвычайно опечалилась тем, что из-за нее неповинно погиб столь благоразумный и целомудренный человек, и стала просить у мужа позволения поклониться св. местам. Получив позволение, она отправилась в Иерусалим и там раздала богатую милостыню, соорудила многие храмы и устроила монастыри. В Иерусалиме она оставалась долгое время, пока усиленными просьбами не смягчила гнев супруга и не примирилась со святой Пульхерией, которой, в знак мира и ненарушимой любви, она послала образ Пречистой Богородицы, писанный, по преданию, святым евангелистом Лукой.

После того как императрица Евдокия отправилась в Иерусалим, Феодосии обратился к святой Пульхерии с просьбой возвратиться опять на царство; но она не пожелала этого, предпочитая уединенное служение Единому Богу владычествованию над многими странами. Тогда царь вторично умолял ее возвратиться во дворец и разделить с ним управление царством, и не прекращал своих просьб до тех пор, пока не достиг просимого: святая Пульхерия с великими почестями возвратилась в свой царский дворец. И опять прекратилась буря, вызванная ересью, и утихли смуты: в церкви настала тишина, и греческая империя наслаждалась миром. По прошествии довольно продолжительного времени возвратилась из Иерусалима и императрица Евдокия, принеся с собой руку святого

первомученика Стефана. Когда Евдокия по пути внесла ее в Халкидон¹⁶, святой Стефан ночью явился Пульхерии и сказал:

- Вот, ты получила желаемое, ибо я уже пришел в Халкидон.

Встав на утро, Пульхерия вместе с Феодосием отправилась в сретение руке святого первомученика; здесь же они с любовью приняли и императрицу Евдокию.

На 42-м году от роду император Феодосий заболел и, чувствуя приближение смерти, поведал святой Пульхерии об откровении, бывшем ему в Ефесе в церкви святого Иоанна Богослова. Когда он стоял там на молитве, ему было открыто, что после его смерти преемником его будет воин Маркиан. Поэтому Феодосий просил Пульхерию содействовать Маркиану в достижении престола.

Маркиан был родом из Фракии¹⁷, сын воина и сам храбрый воин, человек зрелых лет, разумный и доброго нрава. Предызбранный свыше на царство от юности, он чудесно храним был от смерти. Однажды, идя в Филиппополь¹⁸, он нашел на пути труп человека, недавно убитого, и остановился над ним, растроганный жалостью к убитому. Желая сотворить дело милосердия - предать мертвого погребению, - он начал копать для этого яму; и вот, проходившие тем же путем увидели Мармана, погребавшего мертвеца; думая, что он совершил убийство, они схватили его и, приведя в город, предали суду. Так как не было никого, кто бы засвидетельствовал о его невиновности, а собственным его оправданиям не дали веры, то он, как убийца, был осужден на смерть. Когда уже готовы были приступить к его казни, в это самое время Божественным откровением указан был действительный убийца. Последний воспринял по делам своим, а Маркиан был с честью отпущен. Затем он служил в греческом войске под начальством Аспара. Во время войны с вандалами¹⁹, когда последние одолели греков и многих взяли в плен, вместе с другими был взят также Маркиан и приведен к вождю вандалов Гизериху. Однажды Гизерих, желая посмотреть на пленников, вззошел в полдень в сильный жар на возвышенное место и увидел издалека Маркиана, спящего на земле, а над ним орел, спустившись, устроил как бы палатку, простерши крылья и прикрывая его от солнечных лучей. Видя то, Гизерих уразумел будущее своего пленника и, призвав его к себе и расспросив его об имени и происхождении, сказал:

- Если хочешь быть жив, цел и свободен, поклянись мне, что, когда ты взойдешь на царский престол, никогда не будешь воевать с вандалами, но будешь жить с нами в мире.

Маркиан поклялся в том, чего желал Гизерих, и был с честью отпущен на родину.

Возвратившись из плена, Маркиан опять занял видное место в греческом войске. Однажды, во время похода греков против персов, Маркиан на пути разболелся и остался в одном Ликийском городе - Сидине; здесь его приняли в свой дом добрые люди - два брата Татиан и Иулиан, которые, весьма полюбив его, тщательно заботились о его здоровье. Вскоре же по выздоровлении его оба брата отправились вместе с ним охотиться на птиц. Когда наступил полдень и солнечный жар усилился, они легли отдохнуть и заснули. Прежде всех проснулся Татиан и так же, как некогда Гизерих, увидел большого орла, парящего над сонным Маркианом, осеняющего его простертыми крыльями и заслоняющего от солнечного жара. Увидев это, Татиан разбудил младшего брата своего Иулиана, и оба они дивились чудесному явлению. Когда затем встал и Маркиан, орел улетел, а братья предсказывали Маркиану, что он будет царем, и спрашивали, какую окажет он им благодарность и милость, когда воцарится. Он сказал им:

- Если предсказание ваше сбудется, то вы будете мне вместо отца.

После того Маркиан начал приобретать все большую и большую славу, ибо Сам Бог прославлял мужа, которого избрал по сердцу своему. Между тем скончался благочестивый император Феодосий Младший, а супруга его Евдокия опять удалилась в Иерусалим и там, прожив благочестиво несколько лет, тоже скончалась и погребена была в созданной ею церкви святого первомученика Стефана. По смерти Феодосия, святая Пульхерия, согласившись с придворными и военачальниками, избрала на царство Маркиана, как мужа достойного и угодного Богу. Воцарившись, Маркиан вызвал ко двору двух

вышеупомянутых братьев Татиана и Иулиана и, почтив их высокими званиями, поставил правителями - одного Фракии, другого – Ликий²⁰. Также исполнил он свою клятву Гизериху, сохранив с ним мир ненарушимый до конца царствования. По воцарении Маркиана святая Пульхерия пожелала было снова возвратиться в свое уединение, но новоизбранный царь и весь синклит просили ее не оставлять их, а помочь управлять царством, так как она премудра и опытна в делах правления; но это было возможно для нее не иначе, как сделавшись супругой императора. Она указывала им на обещанное ею Богу девство, которое она должна хранить до смерти. Но и Маркиан объявил, что он также дал Богу обет хранить чистоту. Тогда ради нужд святой Церкви, смущаемой размножившимися еретиками, святая Пульхерия согласилась вступить в супружество с Маркианом, с тем, однако, чтобы ей до конца жизни остаться девственной, ибо этого требовали и данное Богу обещание, и природное целомудрие обоих супругов, и далеко уже немолодые лета их: ей был тогда 51 год, да и император был уже немолод. Таким образом Пульхерия называлась женой его, а на самом деле была не женой, а сестрой, соцарствующей ему и правящей с великой пользой для всей Церкви Божьей и для всего царства; точно так же и Маркиан назывался ее мужем, а на самом деле был ей не мужем, а братом, соцарствующим ей, как царской дочери, унаследовавшей престол своего отца. Итак, в то время можно было видеть на греческом престоле как бы царствующую девственную чистоту, ибо царствовали и царь, чистый душою и телом, и царица - дева, хранящая себя непорочною.

О, девственное супружество, мало где виденное или слышанное! Да дивится этому мир, полный нечистых похотей! Да стыдятся люди, служащие плотским страстям и наслаждениям, слыша о таком супруестве этой благочестивой царской четы, которое уподобилось ангельской чистоте!

Заботами святой царицы, кроме вышеупомянутого собора в Ефесе, созван был собор святых отцов в Халкидоне против нечестивого Диоскора и архимандрита Евтихия²¹. Она всеми силами отстаивала православие, так что некоторые писатели ей именно приписывают защиту веры на обоих этих соборах.

Такая ревность Пульхерии по благочестии и ее великая мудрость происходили оттого, что Дух Святой обитал в ее душе и чистом сердце, как в Своем святом храме, и наполнял ее Своими великими дарами.

Прожив 54 года и раздав все свое имение церквям, монастырям и нищим, святая Пульхерия преставилась к Господу, Которому послужила всем своим сердцем²².

Ее молитвами, Господи, не лиши и нас Царствия Твоего небесного. Аминь.

¹ Царствовал с 395 по 408 г.

² Несториан и евтихиан, о них смотри ниже.

³ Титул этот перешел к христианским греческим императорам от языческих римских, которые все назывались, в прибавление к собственному имени, Августами - в честь первого римского императора, носившего это имя; отсюда наше слово "Августейший".

⁴ Т.е. в патриаршей.

⁵ Местность в Константинополе.

⁶ Город в Греции, теперь столица.

⁷ Философ - мудрец.

⁸ Еллинский - греческий; иногда это слово значит языческий; ко времени Рождества Христова греки были самым образованным народом древности.

⁹ Царствовал с 423 по 455 г.

¹⁰ Здесь разумеется Валентиниан III, современник Феодосия II.

¹¹ Феодосий сделал было Нестория архиепископом Константинопольским.

¹² Евнух с греч. языка значит "хранитель постели"; так назывались в Византии особые придворные чиновники, заведовавшие царскою спальнею; вместе с тем обычно это были самые приближенные к царю лица.

¹³ Св. Флавиан патриаршествовал с 447 по 449 г.

¹⁴ Хрисафий был евтихианин.

¹⁵ Диаконисса - с греч. языка значит служительница. Учреждение диаконисс восходит ко временам апостольским (см. Рим.16:1). На должность диаконисс избирались пожилые (не моложе 40 лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наблюдать за благочинием и порядком среди женщин во время богослужения, наставлять женщин, обращающихся в христианство, - как те должны держать себя при

крещении, прислуживать при крещении женщин епископу и, вместо него, совершать помазание частей тела, кроме чела и т.д. Относительно диаконисс есть несколько канонических постановлений, а именно: IV всел. 15, VI всел. 14 и Вас.Вел. 44. - Диаконисса, вступившая в брак, подлежала анафеме вместе с мужем; таким образом, св. Пульхерии, в случае вступления ее в диакониссы, совершенно закрывался путь к царскому престолу.

¹⁶ Город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива (на другой стороне против него - Константинополь).

¹⁷ Область в Византийской империи в северо-восточной части Балканского полуострова.

¹⁸ Город в западной части Фракии.

¹⁹ Вандалы - народ, живший сначала в южной Испании, а потом в северной Африке; принадлежали к германскому племени и во времена св. Пульхерии исповедовали арианство.

²⁰ Область Византийской империи на юго-западе Малой Азии.

²¹ Диоскор, патриарх Александрийский, и Евтихий учили, что в Иисусе Христе - одна Божественная природа, ибо человечество в Нем было поглощено Божеством, одна Божественная природа, ибо человечество в Нем было поглощено Божеством. Последователи их назывались евтихианами или монофизитами (от греческих слов, означающих "один" и "природа"). IV Вселенский Халкидонский собор был к 451 году.

²² Кончина св. царицы Пульхерии последовала в 453 г. - Память ее вскоре после кончины стал праздновать царь Лев (457-474 г.).

Память святых Трех жен, обретенных в пустынной горе¹

Епископ Монеувасийский² Павел поведал следующее сказание.

Когда я был мирянином, то был послан на Восток для собирания царской дани. По пути я увидел пустынный монастырь и пожелал войти в него. Навстречу мне вышел из монастыря игумен с братиею, и мы после взаимных приветствий присели на монастырском дворе, где был разбит фруктовый сад. И вот, мы видим, что к деревьям прилетают птицы, отламывают ветки с плодами и быстро улетают.

Я спросил игумена:

- Отчего птицы не едят здесь же, на месте, плодов, а уносят их вместе с ветками?

Игумен отвечал:

- Вот уже одиннадцатый год, как эти птицы делают так.

Тогда я, как бы по откровению от Бога, высказал, что где-нибудь в близлежащих горах находятся подвижники или подвижницы Божии, и им-то, по повелению Господа, птицы носят эти плоды. В то время, как я говорил это прилетел ворон и отломил ветку с плодом. Тогда я предложил игумену пойти за птицею, и мы последовали за вороном, который летел перед нами с плодом: но вот ворон взлетел на холм и опустил, положив ветку на землю. Когда мы стали подниматься на холм, то ворон вновь взял ветку и полетел в глубокое, как пропасть, ущелье, откуда вслед затем и вылетел, но уже без ветки. Тогда и мы подошли к тому ущелью и бросили туда камень. Вдруг до нас донесся оттуда голос:

- Если вы - христиане, не убивайте нас.

Мы спросили:

- Кто вы такие?

Они отвечали:

- Если вы желаете видеть нас, то бросьте нам три одежды, ибо мы - женщины и наги, и тогда идите возле горы и найдете там узкую тропу, которая и приведет к нам.

Тогда три монаха из сопровождавшей нас братии сняли с себя одежду и завернув в нее камни, бросили ту одежду к ним вниз; сами же мы, спустившись с холма, нашли, как нам было сказано, тесный проход, по которому едва можно было пройти, и этим путем достигли ущелья, где находились три святые женщины. При встрече с нами, женщины поклонились до земли; мы же, сотворив молитву, сели; села также и одна из женщин, а другие две остались стоять. Тогда игумен обратился к сидевшей женщине с вопросом:

- Откуда ты и как пришла в такое место?

Вопрошаемая отвечала:

- Я из Константинополя, где была замужем за царедворцем; но муж мой умер в молодых годах, а я осталась вдовою двадцати с небольшим лет, опалкивая как свое вдовство, так и бездестность. По прошествии нескольких дней, один вельможа, услышав о мне, прислал своих рабов, желая силою взять меня к себе, и посланные требовали, чтобы я немедленно шла к их господину. Тогда я, вознеся молитву к Господу моему Иисусу Христу, дабы Он избавил меня от того человека, желавшего насильем растлить мою душу и тело, сказала рабам: "неужели вы сомневаетесь, что я с радостью пошла бы к вашему столь важному господину? Но в настоящее время я одержима женской болезнью и нечиста от постоянного кровотечения. Подождите немного, пока я оправлюсь от болезни и очишусь, и тогда я с радостью отправлюсь к вашему господину". Выслушав меня, посланные ушли, говоря: "хорошо, наш господин подождет тебя до 40 дней". По уходе их я отпустила на волю рабов и рабынь, оделив их золотом, и оставила при себе лишь двух, которых вы видите здесь, раздав все свое имущество нищим. Затем я пригласила к себе родственника своего, человека богобоязненного, и под страшной клятвой взяла с него слово, чтобы он распродавал мои поместья и дома и вырученные суммы раздал нищим. Вслед затем ночью я взяла с собою этих двух служанок, ныне же сестер моих, и села с ними в корабль, на котором по указанию Божьему и прибыла на это место, и вот идет уже одиннадцатый год, как мы не видали ни одного человеческого лица, кроме вас сегодня. Одежды же наши, по прошествии года, обветшав, спали с нас.

Игумен спросил ее:

- Откуда вы достаете себе пропитание?

Святая жена ответила:

- Благой и человеколюбивый Бог наш, питавший Свой народ в пустыне в течение сорока лет, посылает и нам, недостойным рабыням Своим, пищу. Ежедневно, по Его Божественному промыслу, птицы приносят нам пищу в несравненно большем количестве, чем нам потребно. Тот же преблагодый Господь покрывает нас нагих и согревает нас Своею благодатью, так как мы не Боимся ни стужи - зимой, ни зноя - летом, но живем, как в раю, постоянно прославляя Святую Троицу.

Подивившись слышанному, игумен сказал:

- Если позволишь, госпожа, я пошлю одного из братии в монастырь за пищею - и подкрепимся с вами.

Но святая жена отвечала:

- Лучше прикажи, чтобы пришел священник и, совершив здесь святую литургию, сподобил нас причащения пречистых Таин Христовых, ибо с тех пор, как вышли мы из города, мы лишены причащения.

Игумен точась же отправил монаха в монастырь за священником и пищею. Пришедший священник совершил литургию, и затем причастилась Пречистых Таин прежде сама госпожа, а потом и рабыни ее. После того, вкусив с нами пищи, заканчивает свой рассказ епископ Павел, святая жена обратилась к игумену с просьбой пробыть у них три дня, на что игумен отвечал согласием. Тогда блаженная жена, вставши, сотворила усердную молитву и предала дух свой Богу. Мы же со слезами пропели надгробные песнопения и затем похоронили ее. На другой день вторая женщина, помолившись, мирно также преставилась, а на третий день и - третья женщина. Похоронив их, мы возвратились в монастырь, славя Христа Бога нашего, творящего во святых Своих преславные знамения и чудеса. Ему подобает честь и поклонение во веки. Аминь.

¹ Подвизались в X веке.

² Монеувасия - город на о. Миноа, на Аргосском заливе, бывший сильным укреплением и главным центром торговых сношений Византии с Востоком. Ныне незначительный городок с развалинами крепостных сооружений.

Память святого мученика Варипсава

Сей святой получил от одного пустынножителя кровь, истекшую из пречистого ребра Господа нашего Иисуса Христа, и совершал ею много исцелений. Язычники ночью убили св. Варипсава¹, а великое сокровище, кровь Христова, было сохранено его ученика.

¹ Мученическая кончина св. Варипсава и его подвига относятся ко II веку.

Память святых Апостолов Апеллия, Луки и Климента

Святой Апостол Апеллий был епископом в Смирне¹; о нем упоминает Апостол Павел в послании к Римлянам (16:10). Святой Лука (Лукий) - о коем свидетельствует Ап. Павел также в послании к Римлянам (15:21), был епископом в Лаодикии Сирской². Святой Климент, о котором Ап. Павел упоминает в послании к Филиппийцам (4:2), был епископом в Сардике³.

¹ Смирна - знаменитый торговый город Ионии, в восточном берегу Эгейского моря (или Архипелага), верстах в 56 от Ефеса, при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии; церковь насаждена была в Смирне св. Апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает православная христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих и очень населенных городов империи.

² Лаодикия Сирская - главный некогда город Фригии, на юго-западе ее, в Малой Азии, при реке Ликус; славился широкой торговлей. В настоящее время только одни развалины на одном невысоком холме при опустошенном селении Эски-Гассара служат памятником этого древнего города.

³ Сардика - древний Сардис, или Сарды, богатый город Лидии, в северо-западной части Малой Азии, бывший некогда столицею и резиденциею известного своим богатством царя Креза; во времена апостольские был еще значительным городом; рано возникла там и христианская церковь. В X в. Сардика азиатским завоевателем Тамерланом была разрушена до основания. теперь здесь - лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидетельствуют о прошлом величии этого города.

Святители Петр и Павел, епископы Никейские

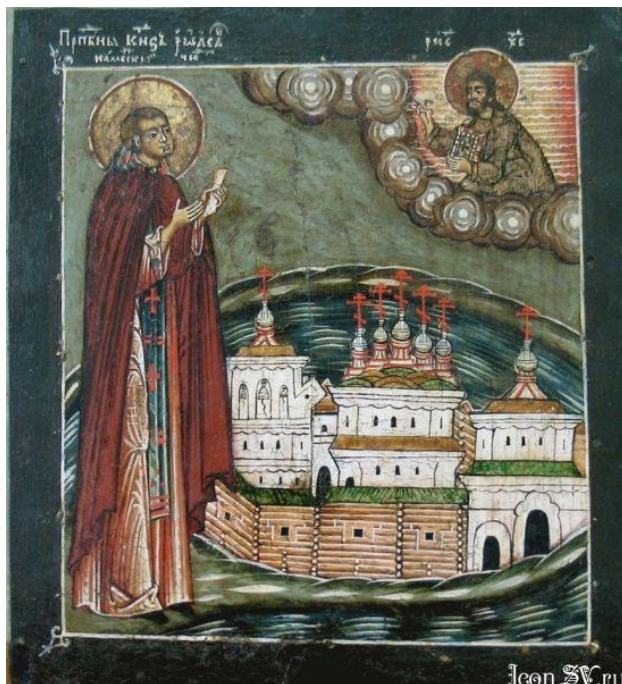
Святители Петр и Павел были епископами в Никее. Святой Петр защищал православную веру против иконоборцев при царе Льве Исаврянине (813–820) и претерпел за это страдания. Он скончался не ранее 823 года. Известны четыре письма святого Феодора Студита к святителю Петру, написанные в 816–823 гг.

О житии Павла, епископа Никейского, сведений не сохранилось. В первый раз его имя встречается в так называемом "Петровом" греческом Прологе XI века.

Преподобный Павел Печерский, Послушливый

Преподобный Павел Послушливый (XIII–XIV), подвижник Дальних пещер в Киеве. По принятии иноческого образа в Печерском монастыре преподобный безропотно проходил самые тяжелые послушания, на которые его посылал настоятель. Он никогда не бывал празден, и когда не нес послушания, молот зерно на жернове, изнуряя свое тело этой тяжелой работой и храня непрестанную внутреннюю молитву. Память его Церковь чтит 10 сентября, в один день с тезоименитым святителем Павлом, епископом Никейским (IX).

Иоасаф Каменский, преподобный

Преподобный Иоасаф происходил из княжеского рода. Родители его – владетельный князь Димитрий Васильевич Заозерский Меньшой († 1299; память 19 сентября/2 октября) и княгиня Мария. Удел князя Димитрия, небольшой и очень богатый, Заозерье находился на северо-восточном берегу Кубенского озера, близ устья реки Кубины, впадающей в озеро. Столица Заозерского княжества представляла собою усадьбу князя на левом берегу Кубины с церковью во имя св. вмч. Димитрия Солунского, которую построил вероятно сам князь Димитрий Васильевич в честь своего небесного покровителя, да деревню Чирково, которая была приходом при этом храме. Несколько деревень составляли весь удел заозерского князя. И князь, и княгиня были очень благочестивы.

Особенно почитали они иноческий чин. Обладая небольшими средствами, они тратили их на устройство монастырей. В соседстве с их княжеством на небольшом островке Кубенского озера стоял древний Спасо-Каменный монастырь. Когда из этого монастыря вышли два основателя новых обителей в окрестностях Кубенского озера – преподобные Дионисий Глушицкий (память 1/14 июня) и Александр Куштский (память 9/22 июня), князь Димитрий и его супруга содействовали и помогали подвижникам в устройении их пустынных обителей. К прп. Дионисию на реку Глушицу князь послал плотников и обильную милостыню, пожертвовал монастырю села и деревни. Княгиня Мария также благоволит прп. Александру, жертвовала в храм монастыря иконы и книги, братии посылала припасы, а по кончине князя Димитрия дала обители деревню на помин его души.

У князя Димитрия Васильевича было три сына – Симеон, Феодор, Андрей – и одна дочь – София. Княжич Андрей, в иночестве Иоасаф, был самым младшим в семье. Когда он родился, точно не известно.

В 1429 г. князь Димитрий Васильевич Заозерский был убит в Ярославле казанскими татарами во время их набега на приволжские города. Княжич Андрей был в то время, вероятно, грудным ребенком. Благочестивая мать его княгиня Мария занялась воспитанием своих детей. Семи лет Андрея начали обучать грамоте. Учился он охотно, с любовью погружался в глубину Божественных Писаний, как дорогой бисер собирал богооткровенные слова Писания и слагал в своем младенческом сердце. Первых детей своих княгиня Мария успела устроить. Старший ее сын Симеон был женат, дочь София Дмитриевна выдана замуж за князя звенигородского Димитрия Шемяку. Феодор же и Андрей женаты не были.

Но вскоре благочестивая княгиня скончалась. Впавши в недуг, она послала к прп. Александру Куштскому просить его молитв о выздоровлении. Но преподобный сказал, что княгиня скончается от этой болезни, и советовал ей по-христиански приготовиться к смерти. По смерти матери князь Андрей остался круглым сиротой. Тогда над осиротелой семьей князя заозерского стряслась новая беда. Муж Софии Дмитриевны князь Димитрий Георгиевич Шемяка затеял усобицу с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. Когда московский князь, ослепленный Шемякой, вернул себе великокняжеский стол, он отдал княжество Заозерское двум князьям – Михаилу Андреевичу верейскому и

Ивану Андреевичу можайскому. Таким образом дети заозерского князя лишились своего удела и перестали быть владельцами князьями.

Раннее сиротство, лишение, хотя и небольшое, княжеского удела, благочестивое воспитание в особенном почтении к иноческому званию – все это привело богобоязненного юношу князя Андрея Дмитриевича к сознанию тленности и временности всего земного – всего того, к чему стремятся, чего ищут, чем живут мирские люди. Соседний Каменный монастырь на уединенном маленьком острове Кубенского озера показался юноше-князю тихой пристанью, в которой он мог отдохнуть от суеты, невзгод и обид мирской жизни. И вот, имея за 20 лет от роду, князь Андрей приходит в монастырь (в 1452 г.) и просит игумена Кассиана удостоить его иноческого образа. Но игумен был не рад приходу молодого князя. Его просьба о принятии в монастырь привела игумена в страх и трепет, потому что он боялся гнева великого князя московского, неприязненно относившегося к князьям заозерским, родственникам Шемяки. Однако усиленные моления князя Андрея склонили Кассиана на согласие. Он изобразил князю всю скудость монастырского жития, всю трудность иноческого подвига; лишь когда эти речи не разубедили князя в его намерении, игумен постриг его в монашество и нарек Иоасафом, вероятно, в честь св. Иоасафа царевича, который также происходил из владетельного рода и оставил мир ради Христа, – почему впоследствии и преподобный Иоасаф в Спасо-Каменном монастыре именовался «Иоасафом-царевичем». Новопостриженного инока игумен передал в послушание и для руководства в монашеской жизни опытному старцу Григорию.

Прп. Иоасаф отличался полным послушанием не только игумену и своему старцу, но и прочим братиям, смирением сердца, постничеством, душевным умилением, усердием в молитве келейной и благоговейным стоянием в церкви во время богослужения; любил читать книги, особенно о житиях преподобных отцов. Преподобный преуспевал в добродетелях: был украшен благою кротостью и разумною простотою. Он оставил всякую печаль о земном, об одном только заботясь – об угождении Богу. С братией он встречался лишь на молитве. Все в монастыре удивлялись его добродетелям. Местом своих подвигов прп. Иоасаф был очень доволен. Спасо-Каменный монастырь стоит на острове Кубенского озера и водою, как стенами, огражден от соблазнов и печалей мира. Святой радовался такому местоположению обители и восклицал: «Се покой! Зде вселюся».

Старец прп. Иоасафа, как добрый кормчий, вел своего послушника вперед по пути добродетели, но вскоре преставился к вечной жизни. Несмотря на юность свою, прп. Иоасаф достиг высших степеней совершенства, и Господь удостоил его Своего явления. Сидя раз в келлии, прп. Иоасаф пел псалмы Давида; тогда явился ему Господь наш Иисус Христос и сказал: «Мир тебе, возлюбленный угодник Мой!» Преподобный исполнился страха и трепета и спросил: «Какая причина явлению Твоему, Господи Человеколюбче?» – «Видишь ли эту окрестную пустыню, – изрек ему Господь, – ради тебя всю ее наполнил пустынниками, славящими имя Мое». Преподобный спросил Господа, какое более действительное оружие против врага нашего спасения, и узнал, что действительно все исполнение заповедей Божиих.

Но диавол не оставляет в покое истинных угодников Божиих. Много раз духи злобы вооружались на преподобного Иоасафа, но молитвою он отгонял их, а игумен, по смерти старца, постоянно направлял и руководил юного подвижника.

Однажды приехал в обитель родной дядя преподобного, князь ржевский Борис Васильевич, он привез прп. Иоасафу деньги для раздачи инокам. Но подвижник отказался принять их и сказал князю: «Инокам нет нужды в золоте и серебре. Мы живем в пустыне и никто из пустынников не примет от тебя даже малого. Но не скорби, Бог примет твой дар, если принесенные деньги раздашь нищим и нуждающимся, сиротам и вдовицам, которых так много по городам». Князь Борис Васильевич поступил по совету прп. Иоасафа.

Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, преподобный решил жить в безмолвии, то есть затворился в своей келлии, так что не видел лица человеческого и не вел бесед с людьми. Мысль его непрестанно устремлена была теперь к горнему. Став на

молитву, он, как на крыльях, возносился духом своим на небо и сподобился предвкушения райского блаженства. В последнее время своей жизни преподобный достиг крайней степени поста и воздержания: по воскресным дням он причащался Святых Христовых Таин и после постился целую седмицу.

От великого воздержания и трудов прп. Иоасаф, еще юный подвижник, изнемог телесными силами и впал в болезнь. Благодаря Бога за посланную болезнь, терпеливо переносил он ее и, чуждаясь общения с людьми, пребывал в молитве и богомыслии. Но когда преподобный почувствовал приближение своей кончины, он призвал к себе игумена и всю братию. Умоляя, он просил их о том, о чем постоянно заботился и раньше, чтобы общежительный устав нерушимо соблюдался в обители. После того, получив некоторое облегчение своей болезни, преподобный принимал участие в общей молитве братии. В праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8/21 сентября) он велел вести себя в церковь к литургии, причастился за нею Святых Таин, получил благословение и прощение от братии, был опять отведен в келлию и положен на одр. Снова подвижник впал в немощь, так что игумен и братия, приходя у нему и видя его страдания, очень скорбели. На смертном одре своем преподобный продолжил увещевать и утешать скорбящих о нем иноков, наставлял их избегать всяких споров и несогласий. Приходившие к нему монахи целовали его со слезами и просили у него последнего благословения, и святой сам всех лобызал и у всех просил благословения и молитв. Наступило 10 сентября – день кончины преподобного. Когда братия собрались к нему, он велел начать правило и по совершении его встал с постели, взял кадильницу с фимиамом и велел игумену покадить святые иконы и всю братию. Затем он сотворил молитву Господу и Богоматери, изливая в ней свои прошения не о себе только, но и о всей обители, в которой подвизался добрым подвигом, о ее духовном процветании. По окончании молитвы преподобный опять возлег на одр и молился о своем исхождении, нимало не печалась, а более радуясь в надежде на будущее блаженство, и с молитвой на устах тихо скончался. Лицо его было светло, как будто он не умер, но уснул. Игумен и вся братия скорбели и рыдали. Положив святое тело подвижника на одр, они понесли его на своих главах в церковь, совершили надгробное пение и погребли его в Успенской (тогда еще деревянной) церкви, на правой стороне. Пять лет подвизался преподобный в Спасо-Каменном монастыре. Он пришел в обитель в 1452 г., следовательно, кончина его последовала в 1457 г.

Вскоре по преставлении прп. Иоасафа начались чудеса при его гробе. Уже из первых богомольцев, стекавшихся в обитель по преставлении преподобного, многие больные выздоровели. Исцеления неоскудно изливались и после. Особенно много больных лихорадкой получили здесь исцеление. Местное празднование прп. Иоасафу установлено было вскоре после его кончины.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь преподобного князя Андрея, в иночестве Иоасафа, Спасокубенского (Каменского), глас 2

Яко древо насаждение при водах воздержания,/ струями слез твоих напаяем, преподобне отче Иоасафе,/ сеяв бо слезами, в радости жнеша добродетельныя рукояти./ Тем Великий Мздовоздатель в житницах Небесных тя сокровище положи,/ но поминай чтущих любовию пресветлую память твою,/ моли Святую Троицу, преподобне Иоасафе,/ спастися душам нашим.

Ин тропарь преподобного князя Андрея, в иночестве Иоасафа, Спасокубенского (Каменского), глас 2

Насажденный при водах воздержания,/ струями слез Твоих напаяем,/ яко леторасль живоносная в вертограде Церкви Божия процвел еси, блаженне Иоасафе,/ плоды

добродетелей возвращая и души верующих питая./ Темже и Христос в Небесныя страны тя пресели./ Но поминай нас любовью святую твою память чтущих благоверне княже,/ и моли Пресвятую Троицу во еже спастися душам нашим.

Кондактропарь преподобного князя Андрея, в иночестве Иоасафа, Спасокубенского (Каменского), глас 4

Явился велие солнце Христове Церкви,/ просвещая тех житием своим, всечестне,/ яко черпалом златым от кладезя неископаннаго,/ чудес почерпл еси от источника неистощимаго,/ на усение свое пришел еси, всеблаженне Иоасафе,/ ныне всем даеши грехом прощение.

Святые Казахстанской земли

Священномученик Уар (Шмарин), Липецкий, епископ

Память 23 сентября (10 сентября по ст. ст.), в Соборах новомучеников и исповедников Казахстанских и Российских, в Соборах Воронежских и Липецких святых.

Священномученик Уар (в миру Петр Алексеевич Шмарин) родился 11 октября 1880 года в селе Ново-Ситовка Тамбовской губернии в бедной крестьянской семье Алексея и Марфы Шмариных. У них было тринадцать детей, но до взрослого возраста дожили только Петр и его сестра. Отец умер рано, и Марфе Филатьевне одной пришлось растить и воспитывать детей. Петр с шести лет помогал матери по хозяйству. Первым его делом было пасти гусей.

В храме села Ново-Ситовка служил молодой священник; его жена была дочерью священника того же прихода, который после рукоположения зятя на этот приход ушел по старости и нездоровью за штат, оставшись жить в том же селе. Этот священник стал присматриваться к сыну вдовы и, найдя его не по возрасту развитым, посоветовал Марфе Филатьевне отдать его осенью в школу. Та возразила, что в школу ему нечего надеть. Священник взял все расходы по образованию мальчика на себя, и Петр благополучно окончил четырехгодичную сельскую школу, причем по всем предметам неизменно имел отличные оценки.

После того как школа была окончена, священник призвал его к себе и сказал: «Петруша, если ты мне дашь слово, что ты будешь священником, я займусь твоим образованием. Я помогу тебе окончить гимназию и семинарию». Петр дал слово, и священник, выступив усердным ходатаем за мальчика, определил его на казенный счет – сначала в гимназию в Тамбове, а затем в церковно-учительскую семинарию, находившуюся в селе Ново-Александровка Козловского уезда Тамбовской губернии.

По окончании семинарии Петр Алексеевич стал работать учителем. Чтобы исполнить данное священнику слово и быть рукоположенным в священнический сан, надо было сначала жениться, и он посватался к девице Клавдии. Она только что окончила гимназию, и ей исполнилось 16 лет. Ее семья была старинного рода, из донского казачества, и мать, Анна Ивановна Стрельникова, ни за что не хотела отдавать дочь за выходца из бедной

крестьянской семьи. Все братья Анны Ивановны жили в то время в городе Лебедяни Тамбовской губернии и принадлежали к купцам третьей гильдии.

Петр Алексеевич оказался однако настойчивым женихом и в конце концов уговорил Анну Ивановну согласиться на брак дочери. Они обвенчались, и вскоре вслед за этим, 21 марта 1904 года, он был рукоположен в сан диакона и направлен служить в Саратовскую епархию. Здесь у диакона Петра и Клавдии Георгиевны родилось трое детей – две дочери, Мария и Клавдия, и сын Николай.

В феврале 1910 года священноначалие предложило диакону Петру отправиться для служения или в Америку, или в Финляндию. Он выбрал служение в Америке, но этому решению воспротивилась Анна Ивановна, а также брат и сестра жены, мотивируя свое нежелание отпускать Клавдию дальностью Америки, тем, что, расставшись, они могли уже во всю жизнь не увидеться. Отец Петр подчинился желанию родственников, сообщив священноначалию, что готов ехать служить в Финляндию.

28 октября 1910 года диакон Петр был рукоположен в сан священника ко храму, расположенному на острове Манчинсаари[1] на Ладожском озере. И окончив учебное заведение, отец Петр не считал полученное им образование достаточным и всю жизнь занимался самообразованием. Он собрал дома большую библиотеку, в которую входили как книги духовного содержания, так и светские книги. Он знал все религиозно-философские течения того времени и был сведущ в вопросах, которые горячо обсуждались тогда в образованном обществе. Отец Петр хорошо был осведомлен и о том, что происходит в России и в остальном мире. У него были обширные познания в области медицины и собрана большая библиотека по специальным медицинским вопросам. Он никогда не обращался к помощи врачей и своих детей лечил сам, за исключением случаев чрезвычайных, когда требовалось хирургическое вмешательство. К нему за медицинской помощью обращались крестьяне всех окрестных селений. Прихожане уважали его и любили.

Будучи сам выходцем из семьи бедных крестьян, он ощущал их особенно близкими, и крестьяне в свою очередь относились к нему как к народному пастырю.

Приход находился неподалеку от Валаамского монастыря, и к отцу Петру часто приезжали монахи монастыря, которые останавливались у него в доме. Отец Петр был человеком открытым, общительным и с каждым мог найти общий язык. В его доме всегда кто-нибудь жил, и за стол никогда не садились одной только своей семьей, но всегда были гости.

Дом принадлежал приходу; он был вместительным, и места хватало для всех. В то время когда священник служил в Манчинсаари, у него родилось еще трое сыновей. Затем отца Петра перевели в храм в селе Мустамяги неподалеку от Выборга.

Через некоторое время в Финляндию переехали родственники Клавдии Георгиевны: ее мать, сестра с мужем и брат, Николай Георгиевич, который стал директором гимназии в Выборге. В 1914 году он был призван в армию, ему было присвоено офицерское звание, и он был откомандирован в часть, стоявшую в Выборге. После февральской революции в частях начались беспорядки. Однажды, когда он был на квартире в Выборге, к нему прибежал его денщик и сказал: «Николай Георгиевич, немедленно уезжай. Солдаты взбунтовались и сейчас заявили, что будут ходить по квартирам и резать офицеров». Николай Георгиевич собрался и выехал в Мустамяги к отцу Петру. Здесь он женился на дочери купца из Мустамяги.

После революции Финляндия отделилась от России, и отец Петр с семьей и все их родственники выехали в Петроград. Из вещей взяли только самое необходимое для детей. Отец Петр отвез жену с детьми в село Ново-Ситовка к своей матери, а сам остался в Петрограде.

Николай Георгиевич с женой уехал в Липецк, где устроился преподавателем в одно из учебных заведений. Когда началась гражданская война, он был мобилизован в Красную армию и служил в ней офицером. Николай Георгиевич был участником боев на Дону, и

однажды, когда пришлось неподалеку от Ново-Ситовки форсировать реку Дон, он провалился под лед вместе с лошастью. Ему удалось вместе с лошастью выплыть. Однако сушиться было негде, так как пришлось сразу же вступить в бой. Был в то время довольно сильный мороз, вся одежда на нем замерзла, он простудился, попал в госпиталь, и там выяснилось, что он болен туберкулезом легких. После установления диагноза он уехал в Петроград.

В 1918 году дети священника в Ново-Ситовке заболели тифом, а когда выздоровели, заболела Клавдия Георгиевна. Болезнь развилась столь стремительно, что, несмотря на посланную в Петроград телеграмму о ее болезни, отец Петр добрался до Ново-Ситовки, когда жену его уже похоронили. Сюда приехали и все родственники Клавдии Георгиевны, нужно было решать, что делать с шестью сиротами, кому и как помогать их воспитывать. В Петроград отцу Петру взять их было нельзя, потому что там был в это время голод. Пятерых детей взяла к себе в Лебедянь бабушка Анна Ивановна Стрельникова, а дочь Клавдию взяли родственники из Липецка.

В Лебедяни они поселились у брата Анны Ивановны, который был когда-то купцом. До революции у него был большой каменный дом, магазины и он вел довольно большую торговлю. После революции часть дома отобрали, отобрали магазин, но у него еще оставалась в ту пору часть дома и при нем маленькая лавочка.

Вскоре к ним из Петрограда приехал отец Петр. Ему дали приход в десяти километрах от города Лебедяни, в селе Тютчево. В состав прихода входили, кроме того, два больших селения – Куликово и Новодворское. Отец Петр снял для себя и семьи квартиру в доме вдовы священника, который служил до него на этом приходе.

Хозяйка оставила себе одну большую комнату, а отцу Петру отдала три комнаты.

Прихожане подарили семье священника корову, стали помогать продуктами. Они в это время могли считать себя вполне обеспеченными. Здесь отца Петра несколько раз арестовывали, но аресты были кратковременными – подержат сколько-то дней и отпустят. Главной темой бесед при арестах было требование снять сан, на что священник всегда отвечал категоричным отказом.

В 1922 году образовался обновленческий раскол: обновленцы при поддержке властей стали захватывать храмы. Церковное управление было нарушено, многие приходы утратили связь с епархиальными архиереями, которые или были арестованы, или находились из-за препятствий, чинимых властями, на значительном расстоянии, лишённые права покидать город.

Собравшиеся на съезд представители духовенства и мирян Лебедянского уезда Тамбовской епархии постановили уполномочить священника Петра Шмарина подать прошение Патриарху Тихону, касающееся этого вопроса.

В своем прошении Патриарху от 2 августа 1923 года отец Петр писал: «Духовенство и жители Лебедянского уезда, оставшиеся верными историческим религиозно-нравственным началам и укладу Православной Церкви, не имеют фактически своего законного епископа и чувствуют себя в духовном отношении в настоящее время крайне сиротливо. Они не знают, как и куда им обращаться в своих неотложных церковноприходских нуждах. Является крайняя необходимость в своем епископе, который объединил и вдохновил бы разрозненных пастырей и успокоил бы мятущихся пасомых. Но до разрешения этого вопроса в законном порядке следовало бы теперь же временно подчинить в каноническом отношении лебедянскую церковь Елецкому епископу Николаю (Никольскому)... Об изложенном почтительнейше прошу письменной резолюции Вашего Святейшества, каковая и послужит нам исходным руководящим началом в предстоящей громадной созидательной работе на благо Святой Православной Русской Церкви».

В ответе Патриарх благословил временно по всем вопросам обращаться к епископу Козловскому, vikарию Тамбовской епархии, Димитрию (Добросердову).

В 1924 году в дом к отцу Петру ночью с обыском пришли сотрудники ОГПУ. Вся семья поднялась, пятеро детей выстроились в коридоре. Один из сотрудников ОГПУ

многозначительно оглядел их и затем сказал священнику: «А вам придется с нами проехать». Отец Петр был заключен в тюрьму в городе Лебедяни.

Допросы были долгими, но допрашивали вежливо, стараясь более убедить, нежели запугать угрозами, так как следователи уже вполне разобрались, что угрозы в данном случае приведут скорее к обратному результату. На допросах сотрудники ОГПУ предлагали ему снять сан – это было самое главное для них. «У вас большая семья, вам будет очень трудно в новых условиях, – говорили они, – снимите сан. Вы человек высокообразованный, нам такие люди нужны. Мы строим сейчас новое государство, и нам нужны образованные люди. Мы вам дадим хорошую, престижную работу, квартиру, обеспечим вас всем, у вас не будет никаких забот. Единственной помехой, чтобы все это вы получили, является ваш сан. Снимите его – и вы все получите».

На все эти уговоры и приводимые ими аргументы отец Петр всегда и неизменно отвечал: «Того, чего вы от меня добиваетесь, – этого вы никогда не добьетесь. Уж я такой человек: во что верую – тому никогда не изменю, так что напрасны все ваши усилия». Столкнувшись с непреклонной волей доброжелательного и миролюбиво настроенного священника и учитывая, возможно, что он выходец из бедного крестьянского сословия, власти и на этот раз освободили его.

После ареста священника трех его сыновей взял к себе Петроград Николай Георгиевич, устроившийся там преподавателем. Старший сын Николай остался жить в селе Тютчево. Когда священноначалие предложило отцу Петру принять епископский сан, он посоветовал Николаю рукоположиться в сан священника ко храму в селе Тютчево, где его все хорошо знали, чтобы храм не остался без священника. Николай согласился, был рукоположен и стал служить в селе Тютчево. Вскоре он получил через прихожан известие, что власти готовятся его арестовать. Некоторые из прихожан предложили ему на время покинуть село. Он тайно вместе с семьей уехал и вскоре получил назначение в храм в селе Каменка.

20 августа 1926 года священник Петр Шмарин по предварительном пострижении в монашество с именем Уар был хиротонисан во епископа Липецкого. Епархия в то время включала приходы Липецкого, Боринского, Нижне-Студенецкого, Краснинского, Лебедянского и Трубетчинского районов. Сначала он служил в городе Липецке в Христорождественском соборе, а после его закрытия в 1931 году – в Успенской церкви. Епископ Уар стал непоколебимым оплотом православия в Липецком крае и непримиримым борцом с обновленчеством.

В 1932 году власти арестовали сына епископа, священника Николая Шмарина. В тюрьме ему предложили снять сан, но он отказался и был приговорен к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Он писал оттуда, чтобы за него не беспокоились, его положение значительно лучше, чем у многих других, так как он работает не на общих работах, а счетоводом. Его семья в это время уехала в Борисоглебск, где они купили маленький домик. Когда отец Николай вернулся из заключения, власти предупредили его, что, как только он начнет служить в храме, они тут же его арестуют. Священник поехал к епископу Уару и сказал ему, что священный сан он снимать не хочет, но и служить, ввиду всех угроз, не может. После разговора с епископом он устроился учеником в часовую мастерскую, а затем стал работать в ней часовым мастером.

Все три сына епископа, жившие в Петрограде, заболели туберкулезом. Владыка забрал их к себе в Липецк и, будучи знаком с лучшими врачами того времени и сам обладая

немалыми познаниями в области медицины, предпринял немалые усилия для излечения детей от болезни. Но Господу было угодно иное, и трое сыновей епископа один за другим умерли в Липецке.

Архипастырская деятельность епископа, его верность православию, известность среди верующих все более беспокоили власти, и они стали искать повод избавиться от него.

Во время Великого поста в первых числах апреля 1935 года стало известно, что власти имеют намерение послать 10 апреля бригаду рабочих для снятия колоколов с Христорождественской церкви в селе Студенки. На рассвете этого дня староста храма Акулина Ивановна Титова пришла к церковному сторожу и предупредила, что в этот день приедет бригада по сбору металлолома, и попросила не давать снимать колокола. После этого она обошла с таким же предупреждением верующих женщин, а затем, взяв ключи от храма, уехала в Липецк к епископу Уару. Пришедшая в этот день бригада рабочих, найдя двери храма запертыми, отбыла восвояси, а староста, встретившись с епископом, сообщила ему, что имеет намерение ехать в Воронеж с жалобой на незаконные действия местных властей. Владыка ответил, что ее поездка окажется безрезультатной, что если власти решили снять колокола, то они их снимут. А власть что в Липецке, что в Воронеже – одна и та же.

Акулина Ивановна послушалась совета владыки и вернулась домой. 19 апреля к вечеру снова прибыла бригада рабочих. На этот раз ключи от храма были у сторожа, он отдал их, и рабочие приступили к снятию колоколов. Но поскольку время было позднее и уже стемнело, они успели лишь оторвать язык у большого колокола и сбросить его на землю. Ночью староста уговорила деревенских мужиков поднять язык на колокольню, что те и сделали.

Рано утром бригада из четырех рабочих, приступившая к сбрасыванию колоколов, обнаружила, что язык большого колокола возвращен на свое место. Рабочие стали сбрасывать колокола, начав с меньших. Тем временем около колокольни собралось около пятидесяти женщин, которые стали шумно протестовать и кричать, но поскольку это не помогало, то они разобрали инструменты, и работы из-за этого и на этот раз пришлось прекратить. Спустившись с колокольни, рабочие столкнулись с толпой женщин, которые кричали, называя их кровопийцами. Те проследовали в сельсовет и вызвали оттуда по телефону милицию. Вскоре приехали два конных милиционера с винтовками и стали угрожать женщинам расправой и применением оружия.

Затем в течение месяца власти арестовали священника, диакона, старосту храма и наиболее активных прихожан.

Все они были заключены в тюрьму в городе Липецке. Оставшийся на свободе священник согласился лжесвидетельствовать против епископа Уара и арестованного собрата-священника. Под давлением следователей, сбитый с толку лжесвидетельствами, согласился давать показания против епископа и арестованный пастырь. На основании этих свидетельств 8 июня 1935 года владыка был арестован и заключен в тюрьму в городе Липецке. На следующий день после ареста следователь вызвал его на допрос и спросил:

– Что вам известно о массовом антисоветском выступлении женщин села Студенки, имевшем место 19-20 апреля 1935 года на почве снятия колоколов в студеновской церкви?

– Не помню какого числа, в апреле 1935 года, во время службы в монастырской церкви мне прислуживали в церкви дети из села Студенки и рассказали о том, что в село Студенки приехали снимать колокола, но сбежался народ и разогнал их, а веревки, которыми должны были снимать колокола, растащили. После этого через несколько дней ко мне на квартиру пришла церковная староста села Студенки, которая сказала, что просит моего благословения на ее поездку в Воронеж жаловаться на местную власть и просить о том, чтобы снятие колоколов запретили. Я старался ее от поездки отсоветовать, говоря, что она будет безрезультатной, что если решено снять колокола, то их все равно снимут. И благословения ей на поездку не дал. Через несколько дней в монастырской церкви я слышал, что староста храма и с ней еще несколько человек арестованы.

Допросы продолжались в течение трех недель. На одном из последних допросов следователь спросил владыку:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя я не признаю. Никогда я агитации против советской власти и ее мероприятий не вел. Также никакого участия в выступлении женщин, не дававших снимать в селе Студенки колокола, не принимал.

– Какого содержания у вас были разговоры о коллективизации в период 1930-1931 годов с Софийским?

– В период 1930 и 1931 года у меня на квартире священник Софийский никогда не бывал и разговоров с ним о коллективизации я не вел. Никогда в разговорах с ним я отрицательно о коллективизации не высказывался. Зимой 1933-1934 года Софийский у меня на квартире бывал несколько раз. Был ли у меня с ним в то время разговор о недостатке хлеба, я не помню, но полагаю, что не был. О том же, что советская власть своими колхозами расстроила земледелие, что в колхозах принудительный труд, от которого нечего ждать, – я не говорил.

25 июня 1935 года следователи устроили очную ставку епископа со священником Константином Софийским. Священник сказал:

– Я у епископа Шмарина по роду своей службы бывал неоднократно. В разговорах он затрагивал вопросы коллективизации. В частности, в период 1930-1931 годов, когда проводилась в деревне коллективизация, Шмарин в разговорах со мной высказывал свое отрицательное отношение к колхозам, говоря, что коллективизация проводится насильственно, что крестьяне идти в колхоз не хотят, что от колхозов крестьянин будет голодать, и поэтому советская власть не удержится. Примерно в 1933 году, когда я был у Шмарина на квартире, он меня спросил, как я обхожусь с хлебом. Я ответил, что покупаю у крестьян на рынке. Шмарин стал мне говорить, что нужно запастись хлебом, потому что весной будет голод, так как земледелие расстраивается от коллективизации.

Следователь спросил, согласен ли епископ с показаниями священника. Владыка ответил:

– В первой половине 1934 года Софийский у меня на квартире ни разу не был. Разговоров о коллективизации я с ним никогда не вел, за исключением единственного случая в мае 1935 года. После моей поездки в Елец у меня на квартире был Софийский и интересовался моей поездкой и, в частности, спрашивал, освободили ли арестованных в Ельце архиепископа и священников, также спросил, как там колхозы. Я сказал, что арестованное духовенство пока сидит, а говоря о колхозах, я привел такой пример. У меня недавно был старик крестьянин из села Куймани, который имеет записавшегося в колхоз сына (как его зовут, я не знаю), и спросил меня, можно ли иметь общение с сыном-колхозником, так как колхозникам нельзя ходить в церковь. Я ему на это ответил, что с сыном связи порывать не надо, и что никто не запрещает ходить колхозникам в церковь, и что работать верующему человеку вместе с неверующим не грех. Софийскому я еще говорил, что благосостояние колхозника зависит от того, что, если люди не ленятся, а работают, они имеют хлеб.

– Я категорически подтверждаю, что у Шмарина я бывал неоднократно и до первой половины 1934 года, – сказал отец Константин. – Так, например, в январе 1933 года я был у Шмарина на квартире по вопросу венчания разведенных. После приезда Шмарина из Ельца я был у него на квартире и спрашивал о положении арестованного духовенства. О колхозах у нас с ним возник разговор в связи с тем, что Шмарин ездил в Елец освящать церковь, ранее занятую под ссыпку хлеба. Я спросил, будем ли мы освящать церкви, ранее занятые колхозным хлебом. На это он ответил утвердительно. Разговор перешел на колхозы, и Шмарин пересказал изложенный им выше случай со стариком из Куймани. Шмарин, в частности, говорил в тот раз, что где труд организован в колхозе, там есть и хлеб.

– Был ли у меня в январе 1933 года Софийский, я не помню. Возможно и был, но разговоров с ним я вести не мог, так как если он и был, то в течение нескольких минут – подписать резолюцию о разрешении брака, – возразил владыка.

Затем был произведен целый ряд очных ставок епископа со священником Христорождественской церкви села Студенки Кириллом Сурниным, который на очной ставке сказал:

– В период уборочной кампании 1934 года стоял вопрос об использовании студенческой церкви под ссыпку хлеба. Когда я был в доме епископа Шмарина, где я вставлял в окна стекла, Шмарин мне говорил, что плохо поступают миряне Преображенской церкви, отдав храм под ссыпку хлеба, что они тем самым подают плохой пример другим храмам. Кроме того, Шмарин велел передать Софийскому и Исаеву, чтобы мы все вместе убедили Акулину Ивановну Титову не давать студенческую церковь под ссыпку хлеба. Этот разговор я передал Софийскому, Исаеву и Титовой.

– Сурнин у меня в доме в это время был, стекла вставлял. Какой у меня с ним был разговор, я сейчас не помню. Допускаю, что такой разговор с Сурниным, как это он показывает, о недаче церковью под ссыпку хлеба мог быть, – сказал владыка.

– 7 января сего года Шмарин, Софийский, Исаев и я были в доме Акулины Ивановны Титовой. Шмарин рассказывал, что в одном из сел Трубетчинского района власть хотела снять колокола, но собравшиеся женщины не допустили снятия и даже избили агента ОГПУ, – сказал отец Кирилл.

– Я подтверждаю это показание Сурнина как правильное, за исключением того, что я якобы говорил, что избили агента ОГПУ. Я говорил, что женщины стащили его с лошади, а не избили, – поправил владыка.

Далее была проведена очная ставка между священниками Софийским и Сурниным, которые уже друг перед другом в присутствии следователя подтвердили свои показания, касающиеся епископа Уара, необходимые следствию, чтобы иметь возможность судить владыку в областном суде, где предполагалась процедура заседания и прения сторон.

11 сентября 1935 года в городе Липецке состоялось заседание выездной сессии специальной коллегии Воронежского областного суда. На суде владыка Уар сказал: «Винным в предъявленном мне обвинении не признаю и поясняю: в доме Титовой 7 января 1935 года я был, но никакой контрреволюционной агитации среди присутствующих не вел. В 1934 году Сурнину о том, что плохо поступают верующие села Студенок, отдав церковь под хлеб, я не говорил. Почему это он говорит, я не знаю».

В тот же день епископу был прочитан приговор: восемь лет тюремного заключения.

После суда было разрешено свидание с родственниками, и к владыке пришли его дети. За время тюремного заключения и следствия владыка стал выглядеть значительно старше своих лет. Но он был спокоен, как будто новые обстоятельства и предстоящий срок заключения его почти не касались. «Не плачьте и не переживайте, – сказал он детям. – Живите, как жили. Живите честно. За меня не мстите. Главное – прожить жизнь достойно».

На следующий день владыку этапом отправили в тюрьму в город Мичуринск Тамбовской области, где он пробыл до марта 1936 года, а затем был отправлен в Карагандинские лагеря, куда прибыл 8 февраля 1937 года. Из лагеря он писал письма родным. Писал, что живет, слава Богу, жаловаться не на что. И физический труд на пользу. Ему приходится дороги мостить. Что касается пищи, то это щи да каша, самая наша крестьянская пища.

В те же годы был арестован староста липецкого собора, который попал в тот же лагерь, что и владыка. Он писал родным: «Владыке приходится сейчас очень тяжело. Он больной и немощный, а его заставляют тяжело работать. Но вы его все знаете, он никогда не унывает, сам крепится и нас всех поддерживает».

Врачами после проведения медицинского обследования у владыки были обнаружены миокардит и пляска святого Витта. Из-за тяжелых болезней епископа перевели на должность счетовода. Все это время владыка содержался в бараке, где в основном были

осужденные по политическим статьям. Но в 1938 году его перевели на участок под названием Меркеле и поместили в барак, где были собраны одни уголовники. 23 сентября 1938 года они убили владыку. Епископ Уар (Шмарин) был погребен на кладбище Самарского отделения Карагандинского лагеря; ныне это село Самарка Мичуринского района Карагандинской области.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 6». Тверь. 2002. С. 167-183

Библиография

Клавдия Петровна Шмарина.

Архив УФСБ РФ по Липецкой обл. Арх. № 25008.

Примечания

[1] Ныне Республика Карелия, остров Мантсинсари.

Тропарь, глас 4

Православныя веры ревнителю, расколов искоренителю и безбожия обличителю. Молитвою и трудом Творцу твоёмудаже до крове послужил еси, первый святителю Липецкий Уаре. О нас Христа Бога моли.

Кондак, глас 3

Пастырина начальнику Христу подражая, за врученное ти стадо душу твою положил еси Уаре, архипастерю и мучениче, молитвами твоими паству твою соблюди невредиму от всех навет вражиих, да зовем ти: Радуйся свящennomучениче Уаре, архипастерю наш пречудный и покровителю края Липецкаго.

Тропарь свящennomученику, глас 4

Иже во святых мученик Твоих, служитель Алтаря Господня верный, даже до крове за Христа подвизался еси, молитвенниче наш усердный. Сего ради Престолу Царя славы предстоиши, но и нас не забывай, творящих память твою, свящennomучениче Уаре.